

привести ее к окончательному отрыву от предмета в сферу чистых номинаций, бесплотных категорий. Если вопросы *Юлиана Толедского*, хотя и смешны для нас, все же вполне здравы в пределах тогдашних представлений, то тирада такого, например, сорта: *«правота, с которой вы так не правы, делает мою правоту к вашим правам столь бесправной, что я не без права могу жаловаться на вашу правоту»* — пародия в каждой букве. Это *сервантесовское* (XVI—XVII в.) осмеяние позднесхоластических фантазмагорий в мире только слов⁴. Явление на средневековой интеллектуальной сцене схоластики — более позднего, нежели мистика, изобретения ума — свидетельство примирения полярных крайностей средневекового мышления. Борьба за чистоту канона перемещается в область малозначимого. Вместо патристического умозрения — скрупулезнейшие различения понятий с одной-единственной целью: отыскать новое понятие. Схоласт в принципе разрешает любую формально-логическую задачу. Сущность выхолащивается, ибо не в ней — совсем не в ней! — дело. Ищут последующие различения внутри уже различного — в ряду очень близких понятий. Интерес сосредоточен на различиях слов, а не сущностей. И тогда различия между важным и досточтимым — вполне достойное мужчины дело. Уточнение различий в ряду сближенных понятий — симптом смягчения оппозиций средневекового мышления. В дальнейшем наметится поиск третьего — внеположного полярным крайностям — начала. Этот поиск приведет в конечном счете к пантеизму возрожденческого толка. Но прежде вершина теологической мысли западного средневековья — *Фома Аквинский* (XIII в.). *«Сумма теологии» «ангельского доктора»* — наиболее стройная философская система средних веков. Отметим в этом фундаментальном сочинении несколько моментов, уточняющих суть специфической противоречивости средневекового мышления⁵. *«Мы находим среди вещей более или менее совершенные, или истинные, или благородные... но о большей или меньшей степени говорят в том случае, когда имеются различия, приближающие к некоторому пределу; так, более теплым является то, что более приближается к пределу теплоты ... Но то, что в предельной степени обладает некоторым качеством, есть причина проявления этого качества; так, огонь*

⁴ Схоластические «категории... — замечает Гегель, — носят как раз такой характер, что не представляют собой ничего твердого, а являются чистыми движениями. Нечто, определенное как возможное, превращается также в противоположное, и от него приходится отказаться, так что определение возможно спасти лишь посредством нового различения лишь таким образом, что, с одной стороны, отказываются от него, с другой стороны, удерживают его» (1935, XI, 3, с. 112). И далее: «... всеобщая форма схоластической философии состоит, следовательно, в том, что устанавливается некое положение, приводятся возражения против него, и затем эти возражения опровергаются посредством противосиллогизмов и различий. Философия поэтому не отделялась ими (схоластами. — В. Р.) от теологии, да и по существу она не делима от последней, так как философия и есть знание об абсолютной сущности, то есть теология» (с. 113). Схоласт как практик бесполезен.

⁵ Последующий анализ текстов *Фомы* в контексте средневекового мышления в значительной мере основывается на замечаниях В. С. Библера, специально связанных с разбором цитируемых фрагментов.